

С тех пор как написаны были эти замечательные строки, марксистско-ленинская педагогическая наука и практика ушли далеко вперед. Однако система трудового и физического воспитания Руссо, пропикнутая демократизмом и гуманизмом, несмотря на ошибочность и утопичность ряда положений, составляет и поныне одну из ярких страниц педагогического наследия прошлого.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Жан Жак Руссо горячо любил музыку и с юных лет мечтал стать музыкантом. Неблагоприятные материальные условия жизни и отсутствие систематического образования помешали ему осуществить эти мечты. Руссо избрал путь писателя, но не потерял глубокого интереса к музыке. В историю мировой литературы он вошел не только как автор выдающихся социально-политических трактатов, но и как замечательный мастер литературно-художественных произведений.

Существует довольно распространенное мнение, что в художественном творчестве Руссо своеобразно сочетаются два литературных направления — сентиментализм и романтизм. И действительно, душевному складу Руссо не чужды, более того, родственны оба эти литературные направления. А. В. Луначарский в «Истории западно-европейской литературы» совершенно справедливо писал, что «французский романтизм, как и весь романтизм этой эпохи, имеет идеологические корни в Руссо. Без понимания душевного типа Руссо трудно понять музыку XIX века, трудно понять ту романтику, которая росла и в Германии, и в Англии, и во Франции...»¹.

И все же было бы ошибочно романтические предвосхищения Руссо относить к периоду его зрелой литературно-художественной деятельности. Руссо — писатель-демократ, пробуждающий в каждом читателе чувствительность, гуманное отношение к людям, живущим в нужде и бедности, любовь к природе, — скорее всего может быть понят и истолкован как подлинный представитель сентиментализма.

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1964, т. 4, с. 207.

Эстетический критерий Жан Жака Руссо — это верховенство чувств и близость к природе, это прославление ее созданий и, прежде всего, главного творения природы — человека. Основу художественного творчества Руссо представляют переживания и поступки, страдания и любовь простых, обыкновенных людей, причем он противопоставляет их персонажам, жившим в атмосфере эгоизма и разврата.

Так, например, в поучительном романе «Юлия, или Новая Элоиза» любовь и идиллия природы противопоставлены ложной культуре и цивилизации. Здесь подробно изложена история большой любви разночинца Сен-Пре и Юлии, богатой аристократки. Но эта нежная и чистая любовь, пройдя через глубокие переживания, страдания и огорчения, как и следовало ожидать, завершилась несчастьем. Юлия по воле аристократа-отца и вследствие господствующих сословных предрассудков вынуждена была вступить в брак с нелюбимым человеком — старым холостяком родовитым аристократом Вольмаром.

Шло время. Юлия постепенно стала смиряться со своей печальной судьбой. «Мысль о том, — писала она Сен-Пре, — что для счастливого супружества нужна любовь, долгое время вводила меня в заблуждение, а вас, пожалуй, обманывает и поныне. Друг мой, это ошибка: порядочности, добродетели, некоторого соответствия не столько состояний и возраста, сколько души и нрава достаточно для супругов, что, впрочем, не мешает возникнуть нежной привязанности между ними, хоть и не порожденной любовью, но тем не менее трогательной и более долгой... Женятся не для того, чтобы думать только друг о друге, но чтобы совместно выполнять обязанности, налагаемые жизнью общества, умело и разумно вести хозяйство, хорошо воспитывать детей»².

Так Руссо устами Юлии примиряет право личности на любовь со святостью брака. И все же этот мнимо счастливый брак Юлии с Вольмаром не вычеркнул из ее сердца светлую любовь к Сен-Пре. Юлия продолжала непрестанно думать о нем и вспоминать безвозвратно ушедшие счастливые дни. И даже на смертном одре она призналась, что никогда не переставала любить Сен-Пре. «Нет, я не расстаюсь с тобою, я буду ждать тебя, — писала Юлия перед смертью своему возлюбленному... —

² Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 2, с. 312—313.

В сем сладостном ожидании я и умру. Какое счастье, что я ценою жизни покупаю право любить тебя любовью вечной, в которой нет греха, и право сказать в последний раз: „Люблю тебя“»³.

В этом художественно-лирическом романе с большой силой подчеркнута мысль, что в условиях цивилизации с ее сословными привилегиями и пороками молодые люди, которым природа дала все для счастья и радости, рискуют быть оскорбленными и униженными в своих личных благородных чувствах. Больше того, в этом обществе, по справедливому рассуждению Руссо, господствующим принципом чаще всего является не добродетель и не супружеское счастье, а лишь гнетущая ложь и цивилизованное зло.

О первом впечатлении, произведенном «Юлией, или Новой Элоизой», Руссо писал в «Исповеди»: «Литераторы разошлись во мнениях, но приговор света был единодушен; в особенности женщины сходили с ума от книги и от автора... Странно, что книга эта была лучше принята во Франции, чем в остальной Европе, хотя французы — и мужчины и женщины — получили в ней не очень хорошую оценку»⁴.

«Исповедь» Руссо занимает особое место в его литературно-художественном творчестве. Это автобиографическое произведение в отличие от всех других работ писателя свободно от каких бы то ни было поучений и дидактических тенденций вообще. Здесь просто, откровенно, без всяких прикрас Жан Жак рассказывает о себе, о своем родственном окружении и о тяжелом и трудном жизненном пути. «Непосредственная задача моей исповеди, — писал он, — дать точное представление о моем внутреннем мире во всех обстоятельствах моей жизни»⁵.

Сюда, действительно, вошло все личное и общественное, все, чем жило его сердце и его ум. Прямотушие, чистосердечие, задушевная любовь к истине и ко всему прекрасному — вот что составляет основу этого произведения. «Я не находил ничего более высокого и прекрасного, — писал он о себе, — как быть свободным и добродетельным, быть выше богатства и людского мнения и дозволяться самим собой»⁶.

³ Там же, с. 659.

⁴ Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 3, с. 474.

⁵ Там же, с. 243.

⁶ Там же, с. 310.

Правда, в этом чрезвычайно откровенном изложении своего «внутреннего мира» Руссо не все детали частной жизни описал с достаточной трезвостью и объективностью. Г-жа де Варанс в свое время, пожалуй, не без основания отметила «романтический склад его ума», склонность к «грезам», к «чарующим заблуждениям» и противоречивость всего его поведения и его восприятия жизни.

Буржуазные критики встретили «Исповедь» как плод эгоизма, как прославление «культы чувства», как апофеоз индивидуализма. Русские писатели и революционные демократы (А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Л. Толстой и др.), напротив, очень высоко ценили «Исповедь» Руссо за талантливое и мужественное освещение богатейшего индивидуального жизненного опыта.

Не прошел в свое время мимо «Исповеди» и Робеспьер. Обращаясь к своему учителю, он с чувством глубокого уважения писал: «Твоя удивительная „Исповедь“, эта откровенная и смелая эманация самой чистой души, будет рассматриваться потомством не столько как произведение искусства, сколько как чудо добродетели»⁷.

Отмечая своеобразие литературно-художественного творчества Руссо, нельзя при этом не отметить, что все художественные произведения у него полны глубокого лиризма, т. е. чрезвычайно богаты эмоционально насыщенными переживаниями героев. Например, в «Эмиле» Руссо основательно и широко развил тему любви и страданий Эмиля и Софьи. И, пожалуй, главное, что следует здесь подчеркнуть, — это то, что Эмиль, воспитанный в духе демократического гуманизма и великодушия, хотя и после мучительных переживаний, простил Софью за такой низкий поступок, как измена мужу, но оказался бессильным в условиях господства феодально-буржуазной идеологии вернуть в свой дом утраченное семейное благополучие.

Остановимся кратко на музыкально-эстетических воззрениях Руссо. Они, так же как и произведения художественной литературы, основывались на эстетических вкусах и запросах простых людей. Борьба за естественность, за искренность и народность искусства получила глубокое отражение в пьесах Руссо, сопровождаемых музыкальным оформлением. Взгляды Руссо на искусство,

⁷ Цит. по кн.: Розанов М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. М., 1910, т. 1, с. 432.

В частности на театр и музыку, в силу их ярко выраженного демократического характера нередко замалчивались представителями буржуазной науки и культуры. Но, несмотря на это, Руссо продолжал сочинять драмы и комедии, которые, по его словам, часто приносили ему не похвалу и заслуженный гонорар, а мучительное огорчение и усталость. К началу 50-х годов в его портфеле были пьесы «Нарцисс» (1733), «Открытие нового света» (1741), «Галантные музы» (1743), комедия «Военнопленные» (1743), в основе которой лежали события, связанные с войной за австрийское наследство, «Смелая затея» (1747), «Деревенский колдун» (1752) и др.

«Деревенский колдун» — это небольшая веселая опера. Она написана в пастушеском стиле и проникнута обворожительной поэзией сельской природы. Зрители и профессиональные критики благосклонно встретили ее, хвалили за свежесть мелодий, за превосходное выражение лиризма в музыке. Опера имела большой успех, ее ставили в Фонтенебло в присутствии Людовика XV, мадам Помпадур и придворных. Руссо была назначена аудиенция у короля, но он уклонился от этой чести. Дени Дидро весьма одобрительно отозвался об этой опере: «Чего не простишь Жан Жаку за его „Деревенского колдуна!“».

В 1770 году Руссо написал мелодраму «Пигмалион». Это произведение вызвало большой интерес не только во Франции, но и в Германии, Италии и других странах. Отличительная особенность «Пигмалиона» состояла отнюдь не в сюжете, заимствованном Руссо из второй книги «Метаморфоз» Овидия, а в осуществлении автором оригинального художественного замысла: здесь превосходно сочеталась лирическая декламация с музыкой, что и положило начало новому жанру в драматургии — мелодраме.

Гёте с большой похвалой отозвался о «Пигмалионе», назвав его «причудливым произведением», воплотившим в себе глубокий художественный замысел. «Я упомяну еще об одном небольшом произведении, — писал он о „Пигмалионе“ Руссо в статье „Поэзия и правда“, — которое, однако, замечательным образом сделало эпоху... О нем можно было бы сказать многое: это причудливое произведение колеблется между искусством и природой... Мы видим здесь художника, создавшего совершеннейшее произведение и все-таки не нашедшего удовлетворения в

том, что он художественно воплотил вовне свою идею и сообщил ей высшую жизнь; нет, он хочет еще свести ее к себе вниз, в земную жизнь...»⁸

Знакомясь с музыкально-драматическим творчеством Руссо, мы обнаруживаем его живейший интерес к комедиям Детуша и операм Рамо. Правда, Рамо был придворным камерным композитором и приверженцем аристократической культуры. Однако это не мешало Руссо положительно ценить в его музыке эмоциональность и образительность.

Ромен Роллан признавал Руссо новатором в музыкальном творчестве. «Руссо достаточно известен как музыкант,— писал он.— Все знают, что он автор оперы „Les muses galantes“ („Галантные музы“), что он сочинил одну комическую оперу — своего пресловутого „Devin de Village“ („Деревенского колдуна“), сборник романсов „Consolations des Misères de ma vie“ („Утешение в невзгодах моей жизни“), мелодраму „Пигмалион“, первый опыт нового жанра, вызвавшего восхищение Моцарта и примененного на практике Бетховеном, Вебером, Шуманом, Бизе, „оперы без певцов“, мелодрамы. Не придавая особенного значения этим милым, но посредственным сочинениям, следует все же признать, что Руссо является бесспорным новатором в области музыки»⁹.

Разносторонние художественные интересы Руссо находили выход и в музыкальной критике. Питая глубокие симпатии к итальянской музыке, он принял горячее участие в большом споре, завязавшемся между сторонниками итальянской и французской музыки. В замечательных обзорах Руссо смело и справедливо высказывался против пошлой французской аристократической театральщины; он решительно отстаивал достоинства и преимущества итальянской музыки — ее глубокую выразительность, смелость модуляций, мягкость языка.

Руссо питал большое почтение и к вепской классической школе. Он высоко ценил музыкальное творчество Кристофа Глюка. И это имело свои основания. Музыка Глюка отражала идеологию третьего сословия периода созревания антифеодалных революционных сил и отличалась простотой, правдивостью, гражданской доблестью, нравственной стойкостью. Руссо с глубоким интересом

⁸ Цит. по кн.: Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 1, с. 835.

⁹ Роллан Р., Собр. муз.-истор. соч. М.: Музгиз, 1938, с. 264—265.

следил за творчеством Глюка и в ответ на его настойчивую просьбу дал развернутый анализ оперы «Альцеста».

В 1774 году Глюк был приглашен в Париж, где шла его опера «Ифигения в Авлиде». Под впечатлением музыки оперы Руссо адресовал Глюку короткую записку, в которой нашли отражение его собственные музыкально-эстетические взгляды: «Господин кавалер! Я только что вернулся домой восхищенный с репетиции Вашей оперы „Ифигения“. Вы осуществили то, что я еще вчера считал невозможным. Благоволите принять мои искренние поздравления и самый почтительный привет».

Не будучи профессиональным музыкантом, Руссо много и упорно работал в области теории музыки. Академик Б. В. Асафьев, говоря о роли Руссо в развитии музыкальной культуры, назвал его «проницательнейшим мыслителем и чутким музыкантом, угадавшим своевременность наступления эры городской демократической песенно-романсной лирики»¹⁰.

В историю музыкального творчества XVIII века Руссо вошел как новатор, борец за мелодическое народно-песенное начало, как яркий выразитель эстетических чувств широких народных масс. Выдающиеся его современники — Дидро, Д'Аламбер, Гримм и другие энциклопедисты высоко ценили статьи и обзоры Руссо о музыке, вовлекали его в музыкальные дебаты и признавали знатоком итальянской музыки. Статьи Руссо о музыке были собраны и изданы в 1767 году в сборнике «Музыкальный словарь».

ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ

Общественные идеалы Руссо оказали глубокое влияние на демократические слои русского общества. А. Н. Радищев, например, считал себя активным сторонником и приверженцем Руссо. Он очень высоко ценил его теорию общественного договора и пытался воспользоваться ею для оправдания народных восстаний и мятежей против помещичьей тирании, против «неправосудия государя» и олицетворяемого им жестокого крепостнического режима.

¹⁰ Асафьев Б. В. Избр. труды: В 5-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 2, с. 78.